

А

В. Ф. Ходасевич

"Освобождение Толстого"

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922--1939. -- М.: Согласие, 1996.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Когда, в 1878 году, И. С. Тургенев опубликовал в "Вестнике Европы" письма Пушкина к жене, сыновья Пушкина серьезно подумывали о том, чтобы поехать в Париж и поколотить Тургенева (см. "Стасюлевич и его современники", т. III, стр. 149). Читая теперь об этом, мы улыбаемся, но шестьдесят лет тому назад в намерениях А. А. и Г. А. Пушкиных не было ничего слишком удивительного. Многие (в том числе сами братья Пушкины) более или менее тщательно сохраняли письма, дневники и другие материалы, касавшиеся замечательных писателей, как семейные или дружеские реликвии, но публикацию этих материалов считали делом ненужным, а то и непозволительным. Многие люди, стоявшие на очень высокой степени просвещения, не считали нужным даже хранить то, что попадало в их руки. Баратынский не сберег ни одного письма Пушкина! Е. Н. Ушакова перед смертью приказала своей дочери сжечь их целую шкатулку. Карамзин, *историк* Карамзин, систематически уничтожал всю получавшуюся им корреспонденцию.

Только в конце минувшего века и в начале нынешнего распространились у нас более правильные воззрения. Многие из того, что ранее почиталось не подлежащим публикации и обсуждению, как слишком "частное" и "интимное", теперь стало рассматриваться как важный, иногда даже первостепенно важный материал для понимания творческой личности. Появились новые методы и приемы историко-литературного изучения. Началась если не систематическая и не вполне научная, то все же усиленная публикация эпистолярного и мемуарного материала, касающегося наиболее выдающихся авторов. То, что ранее было сделано в этой области, было извлечено из пыльных комплектов исторических журналов и, кажется, впервые было перечитано с надлежащим вниманием, с пониманием всей важности читаемого.

В то же время происходил другой процесс: пересмотр господствующей и руководящей критики. Ее поверхностность и близорукость становились все более очевидны. В самых замечательных наших писателях она ухитрялась не замечать как раз того, что в них было всего существенней. Трудно было понять, как она могла из произведений столь разнообразных и содержательных извлекать одни общие места да прописные истины. Начинало казаться, что тут повинна не только она, но и сами писатели, слишком глубоко спрятавшие смысл своих писаний. Все наперебой кинулись их разгадывать. Публикуемые историками материалы были привлечены к делу, история литературы неслыханно раздвинула горизонт новой критики, и первые полтора десятилетия нынешнего века были ознаменованы тем, что Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский, Тютчев были прочитаны до такой степени по-новому, что порою казалось, будто Россия читает их в первый раз. Было бы несправедливо с моей стороны не указать, что одним из наиболее потрудившихся над поднятием этой целины был Д. С. Мережковский. Со многими его личными мнениями позволительно не соглашаться. Иные из них в свете позднейших исследований оказались ошибочны. Но роль, им сыгранная в развитии русской критики, этим не уменьшается.

Биографический и эпистолярный материал, привлекаемый к критическому исследованию, порою делает чудеса, проясняя истоки творчества, его психологию и т.д. Обратно: критическое исследование произведений порою нам объясняет то, что неясно в биографии. Все это вместе нередко дает возможность с особой ясностью и полнотой воссоздать человеческий образ автора, который в иных случаях (как, например, -- когда дело идет о Толстом) сам по себе не менее замечателен, нежели образ литературный. Тут-то, однако же, и подстерегает исследователей опасность, жертвами которой они падают один за другим, потому что до сих пор, в общем, не научились ее сознавать.

Великие люди, как и все прочие, в значительной части состоят из противоречий, возникающих по разным причинам. С противоречиями, объясняемыми с течением времени, исследователи обращаются умеют: они их даже обращают себе на пользу, воссоздавая по ним, как по вехам, историю внутреннего развития данного автора. Но противоречия, нарушающие установленную хронологическую схему, выбивают исследователей из колеи. "Доцент", "достоянием" которого, по выражению Блока, становится после смерти писатель, в большинстве случаев есть человек книжный. Он порою даже не прочь вскользь

А